

21. НЕМЦЫ!

При слове "немцы!" генетическая память велит белорусам убегать, прятаться, хвататься за оружие. Преодолеть психологическое клише удастся через пару поколений.

А что же немцы думают о белорусах?

Немцы продолжают каяться. В начале девяностых годов прошлого века нашли в госбюджете денег на скромную материальную компенсацию остарбайтерам второй мировой войны. На вторую компенсацию, более весомую, в конце девяностых раскошелили фирмы и заводы Германии, которые использовали бесплатный труд восточных рабов.

Мои отец и мать принудительно поработали на Германию по три года (1942-1945). Отец заболел и умер в 1975-м, на пятьдесят первом году жизни. Мать умерла в 1989-м, в шестидесятипятилетнем возрасте, от болезни, полученной в третьем рейхе. Родители не дождались даже разговоров о компенсации. Когда же пошли разговоры, я как законный наследник родителей и их страданий заполнил предложенные бланки, послал в специально созданный в Беларуси фонд «Взаимопонимание и примирение». Ни денег, ни даже ответа не получил. Я не обижаюсь. В газете прочитал объявление названного фонда о том, что умершим узникам фашизма компенсация не положена.

Я решил написать статью. Обязан написать. Ибо вижу: немцы покаются за преступления фашистского режима, белорусы, к сожалению, не приняли их покаяние. Гуманитарную помощь берут без жеманства, деньги их готовы взять днем и ночью, но в душе -- не простили, нет.

Белорусская масса потребляет чужой гуманизм, не производя свой собственный. Белорусы не очистились от бывшей ненависти. Процесс гуманизации общества специально тормозит государственная идеологическая машина. Белорусов настойчиво возвращают в прошлое, где была Великая Победа.

Прошлое необходимо власти, не способной к новым победам в экономике, в уровне жизни, в соблюдении прав человека. Чтобы жить лучше, надо соблюдать "боевые традиции отцов". Власть намертво ухватилась за клише "немцы!" Отцы победили немцев, которые приходили нас завоевать. Наследники должны победить запад, который навязывает нам свои стандарты. За цивилизацией я свой народ не поведу, простодушно признался лидер белорусов, культивирующий у нации дух отщепенца мира.

Посылки, марки, евро у немцев берем, но показываем кукиш в кармане. Когда надо, покажем им опять кузькину мать. "Гуманитарной интервенции" запада противопоставим военную группировку союзного государства Беларуси и России. Так сказано по национальному телевидению. Угрожая немецким посылкам, государство без стеснения тянет к ним загребушую лапу. Для солидности создан госдеп по ... гуманитарной деятельности. Сей орган распределяет "гуманитарную интервенцию" по своему усмотрению, сдирая с нее таможенную пошлину.

Гуманитарная помощь (львиная доля ее из Германии) не встречает у современных белорусов чувств, адекватных чувствам современных немцев. Немцы пришли к поединному миру с былыми врагами, а белорусы еще идут. Я расскажу, как к миру с немцами шли мои родители. Их путь был слишком краток, но они успели пройти очень много.

“Сегодня, Толик, будем строить немецкий туалет”, – как-то сообщил отец в середине пятидесятых. Новая хата взамен сгоревшей уже стояла. Куплена в соседней деревне Соболи, разобрана, перевезена, собрана в Горске. Состоит из сеней, коморы, выстѣбки (холодная комната для летнего отдыха), кухни, зала, спальни. В тридцати метрах от дома встал сарай. Между ними посажен сад. За сараем прилеплено к стене временное, но регулярно посещаемое всеми членами семьи сооружение в форме большого скворечника. Настал черед его реконструкции на более цивилизованный лад.

Стройматериал был заготовлен, объект не представлял сложности, однако мы провозились дня три. Отец мерял, думал, отрезал, прибывал, вновь думал, прикладывал детали к моей коленке, к своей, говорил “як рихтик” (точно по размеру), стругал, вколачивал гвозди. Сооружение получилось громоздким, для водворения его на место, где была выкопана ямка, отец позвал соседа Илью. Тот посоветовал выкопать яму поглубже. “Я сделал не так, как в Горске, -- пояснил отец. -- Смотри, сзади дверца. Открываешь, забираешь котел с добром, делаешь компосты. Как у немцев”.

Скворечник поставили. Закрепили. Открыли переднюю дверь, заглянули внутрь. “Ступенька высокая, Микола, -- сказал Илья. -- Неудобно залезать.” -- “А залезать не надо. На ней надо сидеть. Толик, покажи, как”. Я был в курсе нововведения, примостился на очко. “Как у немцев! -- довольно сказал отец. -- Чисто! Сиденье поструганное, гладкое, чтоб занозу в задницу не загнать”. -- “Ну, Микола, не зря ты в Германии был!” восхитился Илья. Они пошли в дом замачивать стройку рюмкой-другой, я помчался к другу Ваське.

С немецким туалетом случались проблемы, когда гостили родственники. Норовили по отечественной привычке влезть на сиденье с обувью, чтобы принять варварскую позу “на корточках”. Маме приходилось отмывать доску горячей водой с хозяйственным мылом. Объяснять культурную позу родители стеснялись. Один родственник был высокий. Забрался на ступеньку, ударился головой о крышу. Вот ему объяснили, почему заработал шишку. Нахохотались!

В середине шестидесятых студент впервые оказался в местах под Минском и обнаружил кардинальное отличие от родных пенатов. В пристольных деревнях отсутствовали туалеты. Туалет, безусловно, здесь функционировал, но не в виде привычного для меня сооружения, а в виде открытого пространства за сараем. В советской зоне Беларуси, не испытывавшей польского давления, ходили “до ветру”.

Чем просторнее за сараем, тем роскошнее туалетная зона. Немало деревень восточной и северо-восточной части Беларуси прожили без туалетов как специальных объектов до конца двадцатого века. Многие уже вымерли,

исчезли, цивилизация в них прекратилась на стадии «до ветру», так и не достигнув культуры.

Каков туалет, таков и дом. В шестидесятых меня шокировала планировка хат в центре Беларуси. Большинство не имели никакой планировки. Единственная комната, в углу печь, у окна стол, вдоль стен железные кровати, в сенях куры, через стену корова, рядом свинья. Хата и сарай под одной крышей, общие грязь и вонь.

Вспомнилось, как поссорились отец и мать, планируя нашу усадьбу. Отец хотел поставить сарай метров за сто от дома, "чтобы не воняло". Мать воспротивилась: "Мне тяжело далеко ходить к корове!" -- "У немцев сараи стояли еще дальше". -- "Так у немцев в сарае были работники!"

Подвожу читателя к новейшим географическим открытиям. Чем ближе к Западу, тем приличнее туалет. Если же продвинуться по шарикю на запад так далеко, что уже начинается восток, например, Япония, то можно убедиться, что туалет -- точка мирозерцания. Японцы воспринимают туалет как святое место. Очищаясь на "радостном стуле" от яда и зла, человек совершает медитацию. "На ветру" да на морозе не до психологического расслабления, потому зло не выходит вон. Из ширинки выглядывает телеголова с выпуклой мокрой губой (вспомните известную карикатуру художника Валерия Руденко), резонирует о "гуманитарной интервенции" запада.

Из рассказа мамы:

"Нас взял помещик: меня, еще четверо девчат, украинок, и всех Позняков (Горская семья из четырех человек, вывезенная в Германию -- **А.К.**). Был богатый, ферма большая, мыловаренный завод, поле большое. Был пруд, рыба там, купальня для них. А нам мыться там не разрешали. Был еще один пруд, уже усыхал, с берегов грязь, посередине лужа. Купайтесь тут. Ну, стойте, мы вас тоже выкупаем! У немцев ничего не пропадало, даже говно. Туалет деревянный, сзади дверца. Как у нас. Подставляли котел с двумя ручками -- и туда. А как заполнялся, несли в яму. Пересыпали это листьями, соломой. Получались удобрения. Котел мы носили по очереди. Я не могла поднять. Украинки -- дюжие, а я худоба маленькая. Старый Позняк видел, что не могу. Как моя очередь, так он: "Ты, Манька, не бери, я с Юзиком вынесу".

Украинки -- смелые девчата. Ночью взяли котел, вывернули в панский пруд. Смеялись всю ночь, аж помирали. Потом стало страшно: а как всплывет? Чуть развиднело, побежали на пруд проверить. Не всплыло. Потом мы помирали от смеха, как пани купалась...

С поля приходили чуть живые. Над нами все время стоял немец. Старый, как гриб. Арбайт, русиш швайн! И кормили абы чем. Мы решили: завтра не пойдем на работу. Утро. А мы не идем. Старый гриб кричит. А мы стоим. Он побежал к пани, пана не было дома. Пани вызвала по телефону полициянтов. Приехали три полициянта. И так нас били!.. Били-били. Юзик как прыгнет на одного, вцепился в горло. Они трое на него. На нем не осталось живого места - так били. Когда Юзика увозили, он нам сказал: "Из-за вас, суки..." Больше мы его не видели, пропал в концлагере".

После бунта группу остарбайтеров расформировали. Мама попала служанкой в большой дом. Убирала, готовила, стирала, смотрела за детьми. У нее была отдельная комната. Когда семья садилась есть, хозяйка обязательно говорила: "Мари, зетцен!" Ела вместе с ними за одним столом.

ПИТАЛИСЬ НЕМЦЫ В ВОЙНУ ЭКОНОМНО. КАК МЫ В ГОРСКЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ. МАМА НАУЧИЛА МЕНЯ НАМАЗЫВАТЬ МАСЛО НА ХЛЕБ ПО-НЕМЕЦКИ. ЧТОБЫ ЛИШЬ ЗАКРЫТЬ ДЫРОЧКИ. ГОЛЫЙ БРОТ, БУТЕР ПОЧТИ НЕТ. НА ВЕЛИКДЕНЬ, КОГДА НА ЧЕРДАКЕ СОЗРЕВАЛ ПРОСОЛЕННЫЙ КУМПЯК, МАМА ПОКАЗЫВАЛА, КАК ДЕЛАТЬ НЕМЕЦКИЙ ДЕЛИКАТЕС. БЕРЕШЬ БРОТ, МАЗНЕШЬ БУТЕР, НАВЕРХ ПОЛОЖИШЬ ПЛАСТИНКУ КУМПЯКА. ВКУСНЕЕ НЕ БЫВАЕТ. В ГОРСКЕ СОЛЕНЫЙ КУМПЯК ЕЛИ С СОЛЕНЫМ ОГУРЦОМ, В НАШЕЙ ХАТЕ -- ПО-НЕМЕЦКИ.

Хозяева относились к служанке по-человечески, давали деньги на карманные расходы, разрешали ездить на выходной в город (его название со слов мамы я не записал, о чем сожалею). В городе мама встречалась с подругами-украинками, покупали булочки и газводу, садились на скамеечку, вспоминали родину. В ателье сфотографировались на память. В городе их никто не оскорблял. Патруль проверит аусвайс, буркнет гут, отпустит.

Сын хозяина воевал на восточном фронте. Был офицер-интендант. О его письмах домой фрау Эльза с радостью сообщала служанке. Обещала: когда кончится война, поедешь, Мари, в отпуск, посмотришь мутер, вернешься в Германию, выйдешь замуж. Фрау не сомневалась в победе рейха, в мессианстве Гитлера.

Когда на сына пришла похоронка, пани плакала не высыхая. "И я с ней плакала, -- вспоминала мама. -- Гляжу на двоих немецких сироток, думаю: как вы теперь без папки?" Мама не знала, что ее младших братьев, Митьки и Васьки, нет на свете: один подорвался на mine, заложенной на дороге партизанами, второй с друзьями раскручивал найденный в лесу снаряд... При воспоминании о "немецких сиротках" мама всплакивала: "Где они сейчас? Вот бы поехать, посмотреть. Они ж меня помнят".

Немецким сиротам войны сейчас за шестьдесят. Мне было бы приятно, если бы они помнили русише киндерфрэйлен, которая научилась сносно объясняться по-немецки, добросовестно ухаживала за ними, оплакивала их сиротство, а по ночам, когда никто не видит, -- оплакивала свое.

Из Горска приходили редкие письма и посылки. Отправить их разрешалось из "Восточной Пруссии", границу которой оккупационные власти начертили в сорока километрах от Горска. Моя бабушка Анна Игнатьевна пешком добиралась на рейхспочту в Пружаны, о гибели сыновей дочери не сообщила. Чаще слал письма Коля из Кенигсберга, но они вызывали слезы отчаяния. Ведь ничего впереди!

В Кенигсберге отца определили на завод. Вместе работали военнопленные и остарбайтеры. Жили в одном бараке. Немцы относились по-фашистски. Отец рассказывал, как проверялась пригодность к работе. Перед входом на

завод был вырыт ров с водой. Через него – узкая кладочка. Стоит немец с плетью. Шнелер, шнелер, шнелер на кладочку! Кто слаб, тот не пробежит, упадет в ров. Значит, толку с него нет. Тех, кто упал в ров, отправляли в печь.

Отец с другом совершили побег. По плану. Не просто убежать куда глаза глядят (все равно попадешься), а проникнуть на биржу, где распределяли остарбайтеров, прикинуться вновь прибывшими, авось повезет, возьмет бауэр. Он попал в помещичье хозяйство под Кенигсбергом. Работал на поле. Имел свободный аусвайс. Ездил на выходные в Кенигсберг. Сфотографировался. Послал себя Мане (адреса друг друга они узнали через Горск).

На обороте папиной карточки карандашом написано: "Кого люблю сердечно, тому дарю навечно. На память о пребывании в Германии." На обороте маминой карточки карандашная надпись стерлась. Я уверен, там написано то же самое. Обе фотографии одного формата, немецкий стандарт военных сороковых. Папу, наверно, перед вылетом "птички" фотограф заставил улыбнуться, маму -- не смог, грустная навеки.

Из рассказа мамы:

"В мае приехала домой. Плачу от радости, что дома, плачу по Ваське и Митьке. Потом приехал Коля. Решили мы пожениться. Я со страхом думаю: Боже мой, как тут жить? Хатка низенькая, печь грязная, простыней нет..."

Из рассказа отца:

"Мне ехать было некуда, с мачехой не жил и до войны, пас у людей коров, у людей жил. Ехал из Германии, думал: женюсь, возьму землю, до войны давали, кто хотел. Сделаю севооборот, как у немцев. За три года научился, с землей управляться они умеют."

Землю отец взял, но не преуспел. Поле досталось ему на высоком месте у болота, требовало много навоза, а собственного скота в хозяйстве не имелось. Обзавестись им отец не успел, в деревне образовался колхоз, забрал землю.

Отец выучился на тракториста. Работал в МТС. Жили мы в хатке-сарайке маминых родственников, она возьми да и стори до тла глубокой ночью, отец еле успел повытаскивать в окно сынов, жену, кое-какой скарб. Не знаю, где бедный погорелец взял денег на новую хату. Детей в финансы не посвящали. Знаю одно: новую усадьбу отец закладывал, подчиняясь приобретенной в Германии культуре. В этом ему активно помогала мама.

Мои дорогие остарбайтеры привезли домой не обиду и злобу, не злорадство победы, а культуру, взятую у немцев и впитанную в личный опыт. Отец и мать вернулись из Европы не варварами.

Сталинские варвары поджидали их на родине, в районном НКВД. Отца и мать вызвали на допрос. И не раз. Почему оказались в Германии? Чем занимались? С кем вступили в контакт? Какие получили инструкции?.. Им повезло, сталинисты отцепились. А многие из 380 тысяч белорусских остарбайтеров безвинно очутились в гугаге.

Компенсацию за родителей я все-таки получил. Но не деньгами. В романтические дни Перестройки было организовано коллективное обсуждение (осуждение) земляками моей статьи о местных начальниках-проходимцах. Из выступления коммуниста О.: "Козлович пишет клеветнические статьи потому, что его научили родители. Они уехали в Германию, делали немецкие бомбы, которыми фашисты бомбили наши села и города".

В русле Великой Отечественной отреагировал на одну из моих публикаций периода поздней Перестройки секретарь Минского обкома партии Б. Собирая на меня компромат, он особо интересовался, чем занимались мои родители в войну.

Однажды "Л" поручила мне взять интервью у Первого секретаря ЦК КПБ. Канитель! Письмо-просьба за подписью главного редактора. Вопросы в письменном виде. Один вариант, второй, третий. Сито помощников. Капризы интервьюируемого. Перенос сроков. Наконец -- личная встреча. Слышу в свой адрес шутку-вопросик: "Западники все такие упрямые, как ты? От родителей унаследовал?"

Партийный барин дал понять, что знает мою подноготную, родословную и так далее, по пунктам "объективки", затребованной у спецслужб, которые в 1945-м заставляли моих родителей признаться, что они привезли из Германии "инструкции". Где положено, там доселе пылятся протоколы допросов.

В шестидесятых мама ездила в Украину к подруге по германскому плену. С Позняками, которые поселились в Польше, переписывалась. Они спасали маму импортными лекарствами. Вспоминала о другой подруге, вышедшей в Германии замуж за бельгийца и счастливо жившей в Бельгии. Мечтала увидеть "немецких сироток", чтобы посмотреть, какими они стали.

Немцы помнят Марию и Николая. Не могут забыть "контакт". Думают, что Мария и Николай вечные. Шлют им мыло, туалетную бумагу, поношенную одежду, консервы, крупу, лекарства. Приглашают к себе в Германию «детей Чернобыля». "Гуманитарная интервенция" продолжается. Следовательно, Беларуси надобно крепить обороноспособность, воскрешать призрак древней Победы, не принимать покаяние немцев, не впускать белорусов в Европу, в будущее.

В Германии я побывал в 2005 году, когда пик немецкой гуманитарной помощи уже был пройден. Этому способствовали две причины. Первая: наш президент ввел таможенные барьеры для гуманитарных грузов и запретил вывозить «чернобыльских детей» на оздоровление за границу. Вторая причина -- в немцах. Это серьезнее и глубже, чем капризы белорусского батьки.

В немецком городе Эссен я встречался с главным редактором крупнейшей в Германии региональной медиа-группы «Вац» Уве Кнюпфером. Он на девять лет моложе меня, его можно отнести ко второму послевоенному поколению. Коллега Кнюпфер был искренним и взволнованным, когда рассказывал:

«Мое поколение утратило способность смотреть за пределы Германии. В этом -- глупость и тупость нашего поколения. Послевоенное поколение

западных немцев ориентировали исключительно на внутренние проблемы Германии. Проблем было много, надо было восстановить страну после войны. Германию отстроили. Но наше поколение не может отличить Беларусь от Украины. Когда я узнал, что ко мне приедут белорусские журналисты, я побежал к карте: где же эта Беларусь? Недостаток немецкого образования мы сейчас пытаемся исправить. Здесь нас встречают огромные трудности. Молодежь не желает читать серьезных газет. Ей хватает телевизора и Интернета. У взрослого населения упал интерес к глобальным новостям. Читают только то, что связано с их местностью. То, что дальше, мало кого интересует. В Эссене мы вынуждены выпускать четыре варианта газеты — для каждого района города. Заставить немца читать газету можно только одним способом — дать ему местную информацию, привязать его к району, где он обитает».

Если учесть, что информация есть современная форма пропаганды, то можно прогнозировать дальнейшее падение интереса немцев к проблемам, лежащим за пределами их жизненного круга. По дорожке, проложенной массмедийными спецами к местной исключительности, обязательно прошмыгнут политики. Локализация информации и политической агитации еще дальше оторвет немцев от мира. Примитивное немецкое телевидение, где бесконечно идут развлекательные шоу с бездумным «гы-гы-гы!» и самодовольным «ха-ха-ха», навязывает зрителю образ родной страны как сытого беспечного закрытого мирка.

Не встает ли вновь перед немцами опасность печально известного немецкого эгоизма как психологической основы превосходства над другими народами? К чему приводит немецкий эгоцентризм, планета убедилась в двух мировых войнах, развязанных немцами.

В стратегии немецкого медиа-рынка локализовать интересы общества, «взять» читателя местными проблемами кроется эгоистический расчет. Главное — продать газету, иметь прибыль. Что должно быть в прибыльной газете? Рекомендации обывателям, как бороться с кротами, изрытыми газоны и речные поймы (видел нашествие кротов собственными глазами в Эссене и Гладбеке). Что еще волнует локализованного немца, проживающего, допустим, в западной части страны? Снижение семейного дохода как следствие объединения Германии, раздражение «ленивыми» восточными немцами, выбросы из соседней заводской трубы, мусор на вокзале, курение в электричке, коррупционный скандалчик в мэрии...

Ограниченный, замкнутый местными интересами, он, типичный немецкий читатель, долго спрашивает меня, где находится мой Минск, удивляется, что белорус это не одно и то же, что русский. Почему же этот немец такой необразованный, равнодушный, тупой? Потому что читает газету, один из редакторов которой, выступая перед белорусскими журналистами, так и не понял, что мы из Минска, а не из Москвы. Этот просвещенный немец управляет информацией (пропагандой) в издательстве Аксея Шпрингера, производящем крупнейшие газеты Германии «Вельт» (мир) и «Бильд» (картина).

Противостоят ли немцы собственному эгоизму, вечно сидящему в них? К счастью, -- да. Политик, усомнившийся в необходимости объединения

Германии и Европы, будет подвергнут общественной обструкции и подаст в отставку. Журналистское сообщество выработало своеобразный нравственный кодекс, гласящий: каждый журналист должен выступать за мирное объединение Европы, за свободную социально ориентированную экономику, за примирение с евреями и другими народами, обиженными Гитлером, за милосердие как противовес насилию и экстремизму.

Побывав в Германии, я понял, почему немцы за девятнадцать лет, прошедших после чернобыльской катастрофы, пригласили к себе и подлечили 11.000 наших детей, а в Беларусь направили гуманитарной помощи на сумму 360 миллионов евро. Невиданным милосердием они помогают не только нам, но и ... себе. Душа немецкая требует от расчетливого немца слез умиления самим собой.

Пожелаем им безостановочного процветания. Воссоединение Германии обернулось экономическим кризисом, безработицей, бедностью, сумятицей в головах, протестными настроениями. Возникшие трудности ловко используют неонацистские группировки. Идеология нацизма германским обществом побеждена, однако не вырвана с корнем из национального менталитета.

Пусть они будут вечно богаты! Бедные немцы -- опасные немцы.

2000 – 2005